

себя в грудь, ибо знал, что заслужить никакого милосердия нельзя, – милосердие не заслуживается, никакого милосердия купить нельзя, ни быть достойным его нельзя – его только вымолить можно; оно может прийти как чудо, как непонятное, совершенно неожиданное чудо, когда праведность склоняется перед грехом, когда милосердие вдруг прорывается там, где должна бы проявиться правда – высокая, беспощадная правда. Он стоит весь в грехе своем, не смея войти в область правды Божией, потому что там для него нет прощения, а стоит он у притолоки, надеясь, что до края этого храма, до края праведности и через край ее перельется милость, жалость, сострадание, милосердие, что с ним случится незаслуженное и невозможное.

И потому что он верит в это, потому что жизнь его именно этому научила – что случается невозможное, и только невозможное делает жизнь людскую возможной, – он стоит, и до него доходит Божие прощение.

Христос нам говорит, что этот ушел более оправданным, чем другой. Фарисей не был просто осужден: до часа смертного можно надеяться на прощение, и он был праведен, он был труженик, он вкладывал усилие души и тела в праведность свою. Она была бесплодна, из нее не высекалась даже и искра сострадания и любви – и, однако, это была праведность... А неправедность получила прощение.

Вот, подумаем об этом; подумаем о том, во-первых, являемся ли мы хотя бы фарисеями, есть ли в нас вообще какая-то правда, правда перед людьми, с добродетелями, правда перед Богом – то есть отдаем ли мы Ему должное, то, на что Он просто имеет право? А потом поставим перед собой вопрос: лишены даже и праведности фарисея, не являемся ли мы такими же, как и он, безлюбивыми, бессердечными, мертвыми душой? Как мы смотрим на ближнего – в храме, вне храма, в жизни, в семье, на работе, на улице, в газете, везде: единичного ближнего и коллективного ближнего? Как мы на них смотрим, как мы о них судим, не имея опоры даже в истинной, хотя и мертвой, праведности фарисея?.. Аминь».

По всем вопросам церковных треб обращайтесь на нашу интернет-страницу: <http://www.nycathedralofsign.org/>. Вы также можете позвонить отцу Андрею по телефону: (646) 320-7382. РЦЛ

ЦЕРКОВНЫЙ ЛИСТОКЪ

№ 8 (570): February 25, 2024

СВЯТОДАЛЬНЫЙ СОБОРЪ ЗНАМЕНІЯ БОЖІЕЙ МАТЕРИ

75 East 93rd Street
New York, NY 10128-1390

Телефон: (212) 534-1601,
www.nycathedralofsign.org
по благословию настоятеля Собора Митрополита Илариона, Первоиерарха РПЦЗ

Сегодня тридцать восьмая неделя по Пятидесятнице. Неделя о мытаре и фарисее. Предлагаем Вашему вниманию 2 проповеди митрополита Антония (Сурожского) сказанные в этот день:

«Я хотел бы остановиться на трех чертах сегодняшней притчи.

Первая – это самодовольство фарисея, его надменность. Он знал – и в этом он был прав, – что он неукоснительно выполняет все внешние предписания Закона; он делал все, что требовал Закон, – но оставался чужд духу Закона. Он был исполнителем Закона, но не был его живым воплощением, живым выразителем. И его надменность порождалась его исполнительностью: он забывал, что суть Закона – взаимоотношения любви между Богом и человеком. И все же Бог не отверг его: только он ушел из храма домой менее освященным, менее приблизившимся к Богу, чем мытарь, потому что сердце его не было открыто Богу, он ничего не знал о любви, а знал только обязанности, долг и исполнительное отношение к жизни.

И вот – кто из нас может похвалиться, что, живя по Евангелию или идя путями Церкви, мы в совершенстве отождествляемся с тем, что составляет их сущность: любовь Божия, общение с Богом, забвение себя, всецелая самоотдача в радости и благоговейном трепете?

Две другие черты касаются мытаря. Прежде всего, он знал, что он недостоин быть среди народа Божия, знал, что он грешник, то есть тот, кто отделен от Бога, кто разделен внутренне вихрем страстей, жадностью, страхом, ненавистью, вождельностями; что он в конфликте с окружающими, потому что для них он хищник, и что гордиться ему нечем. Он только мог надеяться, что Бог будет милостив к нему, что Бог прозрит глубже, чем его жизнь, чем его дела, чем что бы то ни было, кроме как то, что он также создан по образу Божию и что Бог разглядит в его внут-

ренней потемненности и внешней отвратительности ту искру света, которая все еще роднит его с его Творцом – и не отвергнет его вконец.

И это привело его к такому состоянию, которое так дивно в нем: он не решился даже войти в область Божию, в святую область, какой был Храм, какой есть Церковь. Он стоял на пороге, зная, что это земля святая, что Моисей снял обувь свою прежде, чем приступить к Купине Неопалимой, – а здесь было больше, чем Купина Неопалимая, здесь было Божественное присутствие. И он стоял, и бил себя в грудь, и молился: Боже, милостив будь ко мне, грешному!..

Вот чему мы должны научиться. Когда мы приходим в церковь, мы приходим в область Божию; человеческим грехом весь мир предан во власть зла, а храм – такая область, такое место, которое безраздельно посвящено Богу, место, где среди обезбоженного мира Бог у Себя дома, место, где Он царит. И мы должны вступать в церковь с тем чувством трепетного благоговения, которому нас учит мытарь, зная, что мы недостойны быть в присутствии Божию, что мы не можем поднять глаз наших, чтобы взглянуть в очи Божии, – хотя, если мы их подыдем, то встретим в них все милосердие, и все сострадание, и всю любовь; и что каждое движение, каждая мысль, каждое слово, произнесенное в этой области, должны быть созвучны святости Божией; и вести себя в церкви мы должны как люди, находящиеся в Его присутствии, и с сердцем трепетным, полным покаяния, полным благодарности, полным любви и полным надежды.

Научимся же от фарисея и от мытаря, чего нам избегать и чем нам становиться; и тогда мы встретим Господа в Его милости, в Его любви, Господа, распятого по любви к нам и воскресшего, чтобы уверить нас, что даже самый темный из наших грехов – убийство Сына Божия, ставшего Сыном Человеческим, – бессилен отлучить нас от Бога и истощить, погасить, убить Божественную любовь. Слава Богу нашему! Аминь.»

«Мы привыкли презирать и осуждать фарисея: нам кажется, что сегодняшнее Евангелие дает нам на это право – он будто осужден Самим Христом. Но мы забываем, что надменная праведность фарисея стоила дорого ему и подобным ему людям. Это были люди подвига и убеждения; по коротким словам, которые о нем сказаны в Евангелии, он постится дважды в неделю, то есть воздаст Богу не только то, что должен бы воздавать по зако-

ну, но больше, сверх меры: он дает Богу от своего усердия. И одновременно он дает значительную часть своего дохода нуждающимся, то есть и к людям тоже он обращен каким-то, хоть и суровым, подвигом жизни. Поэтому нельзя легко судить о нем. Фарисеи были люди, которые были готовы понести тяготу своего подвига; но разбивался этот подвиг о правду Божию на том, что из своего подвига они черпали сознание какой-то мнимой праведности, а любви не достигали.

Вот он вошел в храм, не остановился у притолоки, не вспомнил, что находится в храме Бога Живого, что нет твари, которая не должна бы пасть перед Ним в трепете, в ужасе, в любви. Он пришел твердым шагом и занял свое место в храме – он на это место “имеет право”; он живет достойно, по правилам Церкви, и потому стоит он там, где имеет право стоять.

Разве это не страшно и не осуждающе похоже на нас? Как часто мы знаем, что у нас есть перед Богом, среди людей место и что есть у нас место, я не говорю – в вещественном храме, но в том таинственном, незримом храме, который есть мироздание, трепетно собранное вокруг Живого Бога своего. Мы тоже часто думаем: “Мое место – тут, а его – там”.

А “там” стоял человек, который по суду людскому действительно не имел никакого пути вперед, в передние ряды праведников Господних. Он был собирателем податей, но как он отличался от современных! Он просто был прислужником оккупантов-римлян, которые поработили народ израильский, всячески его притесняли и искали в его же среде таких людей, которые будут только заниматься побором, собирать их дань. И конечно, такие люди были всеми ненавидимы, потому что законом их жизни было вымогательство, была твердость, была жестокость, была беспощадность.

Но одному, видно, этот мытарь научился в той страшной, жестокой жизни, которую он вел среди себе подобных и среди жертв ожесточения людского. Он научился, что не выжить человеку в страшном человеческом обществе, если хотя бы на мгновение не будет приостанавливаться закон, если хотя бы на мгновение не будет проявляться жалость, милосердие. Если все будет идти по писанному, если все будет делаться так, как по праву можно поступать, то ни один человек не уцелеет.

И вот он стал у притолоки, зная, что по правде людской и по правде Божией он заслуживает ту же беспощадную жестокость, какую он сам применяет изо дня в день; и он стал там, бия